

31 декабря любой человек просыпается счастливым в предвкушении праздника. Ему кажется, что с последним ударом часов в прошлое уйдет не только старый год, но и все пережитые в нем горести, а Новый год принесет только радость, счастье и успех.

И я не была исключением, я тоже с нетерпением ждала, когда закончится этот ужасный, високосный, прошедший под знаком ковида год.

Конечно, я понимала, что 1 января не начнется жизнь без масок, перчаток, санитайзеров и самоизоляции, но помечтать-то можно?

К встрече Нового года у меня все было готово: на столе в высокой хрустальной вазе стоял букет из еловых веток, в холодильнике мерзло шампанское, а за салатами я собиралась сходить в ближайшую кулинарию, чтобы были свежими.

Пока же я пила свой утренний кофе и смотрела телепрограмму, выбирая, на чем бы остановиться, и отвлек меня от этого телефонный звонок.

Посмотрев, кто звонит, я обрадовалась и ответила.

— Мы приглашаем тебя к нам на праздник, — сказал Иван. — Никаких каблуков, вечерних пла-

тьев и всего прочего! Спортивная одежда, куртка и валенки, если есть. Если нет, у себя подберем. Новый год — праздник зимний, вот и нечего в доме сидеть. Будем на улице веселиться. Приедешь?

— Вообще-то это семейный праздник... — начала я.

— А ты нам кто? Чужая, что ли? — возмутился он. — После всего того, что ты для нас сделала, ты нам роднее родной. И никаких подарков! Ты нас и так уже до конца жизни одарила. Так что готовься! Да! Чуть не забыл! Захвати ночнушку, халат, тапочки... Ну ты поняла, потому что у нас переночуешь. В шесть вечера я за тобой заеду. Если к машине не выйдешь, я сам к тебе поднимусь, и тогда снова придется дверь менять! Ну так как? Согласна?

— Согласна! — радостно подтвердила я, потому что перспектива сидеть одной и пялиться в телевизор меня не очень-то прельщала.

С курткой и спортивной одеждой проблем не было, как и с термобельем, валенки они обещали найти, так что сборы были недолгими.

Времени было еще полно, и я стала вспоминать, с чего началась эта история, чуть было не стоившая мне жизни.

Когда на весь мир обрушился ковид, я сначала отнеслась к этой заразе несерьезно — я молодая, организм тренированный, курить давно бросила, с иммунитетом все в порядке, чего мне бояться? А вот когда я узнала о смерти от ковида мое-

го бывшего однокурсника, молодого, здорового мужчины — спортсмена без вредных привычек, о том, как его выдали родным из морга в закрытом гробу, как хоронили в присутствии только ближайших родственников, моего оптимизма значительно поубавилось. А когда я, обзвонив всех, кого могла, узнала, что в легкой или тяжелой форме, в больнице или дома, но ковидом переболели очень многие, кое-кто даже умер, а некоторые получили тяжелые осложнения, я решила, что хватит дурью маяться, если не хочу, чтобы и меня в закрытом гробу хоронили.

Воспользовавшись тем, что среди моих бывших клиентов был главврач одной больницы, я сдала мазок на ковид и кровь на антитела — может, я уже переболела и сама этого не заметила.

Оказалось, что ковида у меня не было. Значит, и не будет, решила я.

С этого момента очки, маска, перчатки и флакончик санитайзера в кармане стали неотъемлемой частью моего внешнего вида, что меня не волновало, потому что все контакты я свела к телефону и Интернету, а в общественных местах бывала только в случае крайней необходимости.

Ехать куда-то на отдых было бы верхом глупости, поэтому я могла спокойно тратить отложенные на это деньги. Пока было тепло, я уезжала за город, а с наступлением холодов засела дома в обнимку с телевизором и холодильником и в результате поправилась.

Но работа меня все равно нашла — это же не ковид, от нее не спасешься.

4 декабря, пятница

А началось все утром со звонка Клавдии Петровны Полянской, очень влиятельной и богатой дамы, которая, как и ее подруги, не раз обращалась ко мне за помощью:

— Таня, тебе что-нибудь говорит фамилия Геворкян?

— Фамилия на слуху, но лично я ни с кем из этой семьи незнакома, а что?

Я уже поняла, что она попросит меня заняться его делом, но, господи, как же не хотелось! Только вот отказывать такой женщине чревато! Хотя мы с ней и в приятельских отношениях, хоть и вхожу я в круг людей, которым позволено называть ее просто Ладой, но мой отказ она запомнит и когда-нибудь припомнит.

— Понимаешь, мне позвонил Сережка... Ну Самвел Ашотович, если официально. Обычно все свои проблемы он решает сам, но тут, видимо, случилось что-то настолько из ряда вон, что он не знает, как с этим справиться. Я с покойным Ашотом много лет дела вела, вот Сережка и обратился ко мне за помощью. Я дала ему твой номер телефона и адрес. Прошу тебя: помоги парню.

— Хорошо, Лада, пусть звонит, — обреченно согласилась я и спросила, потому что мне решительно не понравился ее тон: — Лада, у вас все в порядке? Я могу вам помочь?

— Ты же не Господь Бог, — хмыкнула она и отключила телефон.

Делать было нечего, оставалось только ждать звонка.

Решив узнать, чего мне ждать, я бросила свои гадательные кости, и выпало: 2+18+27, что означало: «Если вас ничто не тревожит, готовьтесь к скорым волнениям».

— Спасибо! Обнадежили! — язвительно буркнула я.

И тут прозвучал телефонный звонок.

Молодой мужской голос попросил к телефону частного детектива Татьяну Александровну Иванову и, узнав, что именно с ней сейчас и разговаривает, сказал:

— Мне вас порекомендовала Клавдия Петровна. У меня возникла проблема. Очень серьезная. А она сказала, что вы можете помочь ее решить. Мы могли бы с вами сейчас встретиться?

— Обычно я назначаю встречи у себя дома, но в связи с пандемией... У меня ковида нет, а...

— Татьяна Александровна, мне, моим родным и сотрудникам раз в неделю проводят тест на ковид — я, знаете ли, тоже дорожу здоровьем. Так что наша встреча вам ничем не грозит.

— Хорошо. У вас есть мой адрес, жду вас через час.

Я начала прибираться, но, поняв, что это бесполезно, решила принять гостя на кухне — ничего! Потерпит! Это я ему нужна, а не он мне.

Я едва успела придать себе более-менее пристойный вид, как раздался звонок в дверь. Я посмотрела в глазок и увидела двух мужчин: один был невысокий, худощавый и рыжий, а второй, белобрысый, был таким высоким и здоровым, что мог быть только охранником.

— Я Геворкян, — сказал рыжий, когда я открыла дверь.

Я посторонилась и попросила сразу пройти в кухню, объяснив, что гостей я не ждала и в комнате беспорядок.

Оставив вещи в прихожей, они прошли, сели, и Геворкян стал внимательно меня разглядывать, но без малейшего мужского интереса, а как некий предмет, словно решал, стоит ли вкладывать в меня деньги или нет.

— Татьяна Александровна, простите, а сколько вам лет?

От такого бестактного вопроса я даже онемела.

— Если вы ожидали увидеть женщину возраста госпожи Полянской, то напрасно — они частным сыском не занимаются, — довольно резко ответила я. — Им это уже не по силам.

— Но вы такая молодая, я просто боюсь, что вы не сможете до конца осознать всю важность проблемы, — объяснил Геворкян.

Видя, что я готова указать им на дверь, вмешался верзила и мягко объяснил:

— Татьяна Александровна, пожалуйста, не обижайтесь на Сергея. С тех пор как началась эта история, он ни одной ночи нормально не спал. А у него жена и трое детей, он должен думать о них, о том, как обеспечить их достойную жизнь. У него уже нервов не осталось.

— Давайте говорить напрямую, — предложила я. — Если вы не обратились в полицию, значит, дело касается вашей семьи и строго конфиденциально, ■ что лично я вам гарантирую. Но есть одно «но» —

мне потребуется от вас полнейшая откровенность. Самвел Ашотович, вы на это способны? Вы в силу своего воспитания, семейных традиций и обычаев вашего народа привыкли считать, что все решает мужчина. Вот вы и будете решать, что я должна знать, а что — нет. Вы посчитаете какой-то факт не стоящей упоминания мелочью, а потом окажется, что это и была та ниточка, потянув за которую можно было добраться до истины. Скажите, вы способны на такую полную откровенность с женщиной?

Геворкян сидел и молча смотрел в окно, и мне вдруг неожиданно ответил верзила:

— Я способен, а поскольку знаю все, что знает Сергей, вы всегда получите ответ на свой вопрос.

— Извините, что сразу не представил. Это мой старший брат, Иван Михайлович Рябинин, — объяснил Геворкян и добавил: — Брат в жизни. А по работе он — все! У меня нет никого ближе его.

— Вы сводные? — уточнила я.

— Нет, просто знаем друг друга с детства, в одной песочнице играли, за одной партой сидели. Ему было семь лет, когда умерли его родные. Папа оформил над ним опеку и привел жить в наш дом. С тех пор мы с ним расставались только на те два года, что он был в армии.

— Но если он старший, то как же вы за одну парту попали?

— Просто я в первый класс пошел в шесть лет, а он в восемь, — объяснил Самвел.

— Хорошо. Сейчас я сварю нам кофе, чтобы взбодриться, и мы все обсудим. А пока начинайте потихоньку вводить меня в курс дела.

— Мою проблему нужно решить до восемнадцатого декабря, — сказал Геворкян.

— Что же вы так затянули? — воскликнула я.

— Надеялись справиться своими силами, — хмуро ответил Иван. — Да и возникла она недавно.

— Значит, решим, — пообещала я и спросила: — Почему вас зовут Сергеем? Самвел — это ведь Самуил или, в крайнем случае, Семен.

— Меня так мама с детства звала, а потом и остальные начали, — объяснил Геворкян. — Только папа всегда Самвелом звал. Это имя значит — «Бог услышал». То есть услышал молитвы людей и даровал им ребенка.

— Татьяна Александровна, пока вы варите кофе, я вам объясню, что произойдет в том случае, если наша проблема не будет решена, — начал Иван. — Такое небольшое вступление. Итак. Самое главное в любом деле — сохранение баланса сил. Представьте себе круг, поделенный, к примеру, на четыре части. Каждую часть контролирует определенная структура, силы приблизительно равны. Все давно поделено и узаконено, поэтому все возникающие споры решаются исключительно мирным путем. И вдруг одна из четвертинок резко ослабеваает. Нарушается баланс сил. В этом случае, несмотря на любые договоренности, желание порвать слабого на клочки, захватить часть его территории и имущества, чтобы утащить в свои закрома кусок пожирнее, становится доминирующим — закон джунглей. И в этой борьбе каждый сам за себя. Начинается передел сфер влияния, собственности, в том числе и путем рейдерских

захватов, и все прочие прелести смутного времени в одной отдельно взятой области. С этим ковидом обстановка и так нервная. Люди теряют работу и, соответственно, деньги. Кто-то просто теряет деньги. А кое-кто теряет очень большие деньги, потому что некоторые сферы деятельности больше вообще не приносят доходов. Поэтому если проблема не будет решена, то Тарасов ждут очень беспокойные времена. Вы же этого не хотите?

— Конечно, нет, — воскликнула я, снимая турку с плиты. — Но с этой самоизоляцией я очень сильно оторвалась от жизни и, честно говоря, не очень-то сейчас представляю, что творится в городе.

— Да вам это и не надо, — продолжил он. — Когда Клавдия Петровна объясняла Сергею, к кому ему нужно обратиться, она сказала, что ваше главное оружие — это даже не черный пояс в карате, а голова и способности аналитика. Поэтому давайте договоримся сразу: лю-ба-я, — выделил он, — техническая и физическая поддержка — это наше дело, а ваше дело — думать и анализировать. Любую нужную информацию достанем, куда угодно пролезем, что угодно найдем. Вы только говорите, что именно вам надо.

Я достала парадные чашки, разлила кофе, поставила на стол сахарницу и, наконец, села сама.

— У вас курить можно? — спросил Геворкян.

Я молча показала ему на пепельницу на подоконнике, он переставил ее на стол, и, достав сигареты с зажигалкой, закурил, а следом за ним и Иван. Тут и я присоединилась к ним, потому что

сигареты были настоящие армянские — ну как тут не оскоромиться?

— Давайте перейдем к делу, — предложила я.

— Моего отца убили полтора года назад, — начал Геворкян. — Застрелили среди бела дня на выходе из офиса, когда он на обед ехать собрался. Убийцу так и не нашли, хотя искали все: и полиция, и мы, и еще многие люди, и ЧОП мужа Полянкой — она сама предложила помощь, когда узнала о папиной смерти. Все упиралось в то, что ни у кого не было мотива его убивать. У нас есть копия уголовного дела. Если вам понадобится...

— Понадобится! — заверила я его и спросила: — А если это была попытка дестабилизировать ситуацию?

— Нет! — покачал головой Иван. — На общей картине смерть дяди Ашота никак не сказалась, потому что был подготовленный, уже способный взять управление на себя — Самвел, то есть никакой борьбы за наследство быть не могло.

— Папа меня чуть ли не с детства натаскивал, а уж когда я в институт поступил, так я после занятий сразу шел к нему и тут же включался в работу, — объяснил Геворкян.

— А когда я из армии вернулся, уже меня в такой же оборот взял, — дополнил Иван. — Какая там студенческая жизнь? Только заикнешься, что хочешь куда-нибудь пойти, так дядя Ашот сразу: «У меня вакансия грузчика есть. Не хочешь пойти? А что? Отработал и свободен, можно по танцулькам бегать».

М. Серова

■ — Зато в люди вывел, — заметила я.

— Это я уже потом оценил, а тогда только зубами скрипел. Но давайте вернемся к делу. Так вот, материальной выгоды от смерти дяди Ашота никто не получил. Правда, после похорон, когда вскрыли завещание, оказалось, что значительная часть предприятий, входящих в нашу компанию, оформлена на его жену Луизу Ованесовну Варданян, мать Сергея, а дядя Ашот все эти годы просто управлял ими, о чем никто даже не догадывался. Отец Луизы, который этот бизнес и создал, незадолго до смерти все переоформил на дочь. А в собственности дяди Ашота оказались те предприятия, которые он создал сам уже после смерти тестя. Их-то он и завещал Сергею. А знал обо всем только один человек — Кузьмич, который был с дядей Ашотом вот как мы с Сергеем. Ближе его у дяди Ашота человека не было.

— Может быть, имеет смысл с ним поговорить?

— Уже не получится, — вздохнул Геворкян. — Я последний раз видел его на похоронах папы. Он меня тогда обнял и сказал: «Сережка! Мы с твоим отцом сделали абсолютно все, что в человеческих силах, чтобы ты стал его достойным преемником. Не разочаруй нас, а то получится, что мы с ним жизнь зря прожили». А когда мама умерла, я позвонил ему, чтобы сказать об этом, а его дочь мне ответила, что он в начале июня умер от ковида.

— Луиза тоже умерла от ковида восемнадцатого июня, — добавил Иван. — Мы ничего не знали и получили готовое — звонок из морга.

— Завещание она составить не успела. После папиной смерти она подписала генеральную до-